

21. НОЕВ ПАТРИАРХ ИЛИ ПРУССКИЙ РЫЦАРЬ

В данном градусе в твои обязанности, в частности, входит быть скромным, а не самовлюбленным, не исполненным пустой гордыни и самолюбования. В мыслях своих ты не должен возноситься выше Всевышнего, не должен осуждать то, что и как Он сотворил, не стараться «исправить» сотворенное Им. Будь также скромен в общении со своими ближними, не торопись думать о них плохо или приписывать им недостойные намерения. Тысячи печатных изданий наводняют страну дурно пахнущей прессой, неустанно и активно заставляя людей плохо думать о ближнем своем, приписывая недостойные намерения людям и партиям, осуждая их поведение и политику, и вряд ли найдется хотя бы одно, которое заставляло бы любить ближнего своего, хотя бы иногда, хотя бы время от времени.

Никогда еще скандальность и клевета не были так популярны и безнаказанны, как в наше время. От их ядовитых стрел не защищает самое праведное поведение, самое незаметное существование. Высокий общественный пост делает газетчиков только наглее и беспардоннее, если занимающий его человек претендует на признание людей.

Зло распространено повсеместно. Ни один мужчина, ни одна женщина, ни одна семья не могут чувствовать себя в безопасности от этой новой Инквизиции. Никакой поступок в наше время не может быть настолько чист и бескорыстен, чтобы какой-нибудь профессиональный торговец ложью, живущий за счет удовлетворения низменного аппетита толпы, не мог бы назвать его преступлением. Нет такого достойного и возвышенного побуждения, которое не могли бы счесть злодейским. Журналистика врывается под крышу частного дома, проникает под покровы внутренних, личных трагедий, грехов и стыда, целенаправленно собирает и трудолюбиво распространяет самые безосновательные и неправдоподобные выдумки ради денег самих журналистов или ради временного успеха тех или иных политических партий в борьбе между собой.

Об этом зле здесь не стоит распространяться далее. Оно очевидно для всех и оплакиваемо всеми, и долг каждого масона состоит в том, чтобы уменьшить, а если удастся, вовсе уничтожить его. Нам не пристало бороться с заблуждениями и грехами других людей, которые напрямую не вредят нам и не нуждаются в нашем осуждении для того, чтобы быть грехами и ошибками; но и журналисты не имеют права становиться цензорами и блюстителями нравственности. Мы не брали на себя обязательства громко трубить о каждой ошибке своего ближнего, лишь только заметим ее, или осуждать его за нее. Глупо и постыдно было бы стоять на перекрестке и за пенни грозно обличать грехи людские.

В идеале, никто и никогда не должен ничего говорить и писать против кого-либо другого. Дай Бог, чтобы хватило человеку времени на то, чтобы на протяжении всей жизни следить за самим собой! Каждый из нас – пациент в гигантском лазарете земной жизни, и журналистика напоминает мне сцену, увиденную однажды в переполненной больнице, где пациенты постоянно издевались друг над другом, споря, чья болезнь опаснее и отвратительнее: один пациент, страдающий от водянки, насмеялся над больным оспой, тот, в свою очередь, издевался над раком лицевого нерва у

своего соседа, тот – над параличом следующего страдальца, и так до тех пор, пока один из них в горячечной ярости не вскочил и не сорвал с них всех простыни, обнажив одинаковые у всех язвы и следы разложения. Вот чем занимаются журналистика и политические партии в своей непрестанной борьбе, да и вообще полмира за стенами масонского Храма.

В самом общем смысле, ограничения, наложенные на человека в его действиях теми, кто сам себе присвоил права хранителей общественной нравственности, совершенно необоснованны. Мало того, зачастую место этих ограничений должна была занять похвала, и наоборот, когда похвала незаслуженна, она всегда несправедлива.

Какого духа исполнены те, кто без зазрения совести может приписать ближнему своему любой грех, любую степень падения? Будь их душа возвышенна и достойна, будь они просто человечны, и не жестокосердны, они вместо этого помогли бы ему устранить причины его заблуждения и ошибки, вместе с ним пролили бы слезы над свершенным. Природа сыграла с человеческим телом отвратительную шутку, наделив его порочной душой, которая добавляет новых пороков к тем, которые существуют во внешней Природе и которые и так терпеть уже нет никаких сил. Если масон слышит о каком-либо человеке, что репутация его пала в глазах общественного мнения, он должен приложить все усилия к тому, чтобы помочь несчастному в его горе, а не стараться уронить его достоинство еще ниже. Наслаивать клевету за клеветой на имени человека уже опороченного – это все равно, что снова и снова бить железным прутком и так исполосованного бичами человека; каждому нормальному человеку с человеческим сердцем в груди такое видится бесчеловечным и недостойным.

У каждого сотворившего беззаконие и совершившего ошибку человека почти всегда есть тихий родной дом, уютный очаг, любящая жена и невинные дети, которые наверняка не подозревают о его прошлых заблуждениях и недостойных поступках – прошлых и давно оплаканных и искупленных; и даже если они знают о его недостойном поведении, они тем больше любят его, ибо, будучи человеком, он грешил, а будучи образом и подобием Божьим, он раскаялся. Но мысль о том, что каждый удар, нанесенный такому человеку, отзовется обжигающей болью в сердцах жены и нежных дочерей, не останавливает руку продажного журналиста; он снова и снова наносит удары в их трепетные, невинные, нежные груди, несмотря на их крики и мольбы о пощаде; а потом он отправляется в город, эту артерию общественной жизни, ходит там с высоко поднятой головой и требует к себе почтения, требует себе похвал и уважения за свой «рыцарский подвиг» – за удар кинжалом в невинное любящее сердце, не способное защищаться.

Если ты поставишь себе целью познать, что такое ложь и клевета, тебе не составит труда найти ее в сердцах недостойных людей. Лицемерие – это та трава, которая чаще всего произрастает на навозных кучах. Именно в этой почве оно пускает свои глубокие корни и выстреливает вверх ядовитые побеги. Долг наш состоит в том, чтобы быть скромными и хранить собственное достоинство в отношениях с теми, кто стоит выше нас на общественной лестнице; с равными нам надлежит быть вежливыми; с теми же, кто является в обществе по отношению к нам нижестоящими, необходимо постоянно помнить о великодушии. Нет большего лицемерия, чем постоянно указывать своим ближним на их ошибки, не понимая и не

желая при этом понимать их побудительные мотивы и цели их поступков, делая своей профессией очернения заслуживающих славы. Нанести оскорбление лицу, занимающему общественный пост – это все равно, что подстрелить старшего самца в стаде оленей: даже если он не истечет кровью от раны, его забьют насмерть остальные самцы для того, чтобы занять его место.

Работа шпиона во все времена считалась низкой и порочной, но чем, скажите, отличается от нее работа редакторов большинства печатных изданий, которые – за редким исключением – поставили перед собой задачу неустанно шпионить за нравственностью и действиями окружающих? Их злонамеренность придает силы их зрению, и они используют эту силу для того, чтобы находить у окружающих все новые и новые ошибки, приписывая им преступные намерения даже в тех случаях, когда в действительности устремления были самыми достойными. Подобно крокодилам, они поднимают со дна кучи ила, в которых оскальзываются и оступаются те, чьими живыми и трепетными плотью и кровью они потом с радостью насыщаются. Они выставляют грехи окружающих на обозрение всего мира, а добродетели прячут глубоко под землю, чтобы никто их никогда не увидел. Если им не удастся кого-то обвинить на основе доказательств, они это делают на основе предположений, а если невозможно предоставить последние, они их просто выдумывают, как Господь сотворил мир – из ничего, и все только ради того, чтобы очернить репутацию человека; и они отлично знают, что любой лжи толпа поверит скорее, чем ее последующим опровержениям, как бы тщательно обоснованы они ни были; что ложь летит на орлиных крыльях, а ее опровержение улиткой тащится вслед, и второму никогда не догнать первую. Да уж, наверное, самой «нравственности» журналистики претит мысль о том, что опровержение может и должно появиться на том же самом месте, где появилась ложь, вызвавшая его. Но даже если такое случается, изначальная ложь все равно продолжает жить в сердцах и умах слишком многих людей, и клевета надолго занимает место истины.

Этот век, в гораздо большей степени, чем все предыдущие, есть век лжи. В свое время малейшее подозрение общественного деятеля в сокрытии истины могло привести к полной утрате им репутации и потере поста; в наше же время среди политиков, представляющих разнообразные противоборствующие партии, становится редкой и практически никем не используемой добродетелью хоть раз в жизни сказать правду своему народу. Ложь превратилась в обычное орудие политической борьбы, используемое во время всех кампаний и общественных потрясений, и цена ее тем больше, чем она полезнее в данный исторический момент, чем она прибыльнее; ложь хранят, ее целенаправленно производят, ею торгуют; существует настоящий рынок лжи, как существует рынок свинца и серы, хотя она гораздо смертоноснее и опаснее их, вместе взятых.

Взвесь люди повнимательнее прегрешения человеческого рода, они поостереглись бы осуждать ближнего своего. Невежество дарует критиканству гораздо более длинный язык, чем может даровать знание. Умный знает, глупый – говорит. Столь частые в последнее время кампании очернения – всего лишь плоды жестокого рассудка; самые жесткие суждения о ближних выносят те, кто не в состоянии оценить и осудить сам себя; только дар самооценки придает вес суждению о других. Даже если нам ведомы пороки окружающих, добродетель наша скорее будет

выражаться в желании сокрыть их, нежели придать общественному порицанию, если, конечно, сам носитель порока не воспримет это как комплимент, как побуждение к дальнейшему следованию путями греха. И нет греха более тяжкого, чем превратиться в очернителя достойного человека.

Для масона в этом смысле может существовать один лишь закон. Если он призван выступить с рассказом о добродетельном человеке и его добродетелях, он должен сделать это, беспристрастно и честно. А если среди добродетелей встречаются также и пороки, то пусть мир узнает о них от кого-нибудь другого. Ибо даже если творящий беззаконие не заслуживает пощады, ее заслуживают его жена, дети, родители, любые другие невинные люди, любящие его; а профессия бретера, наносящего беззащитному удар кинжалом в темном переулке по заказу отдельного лица или группы лиц, в наше время не более достойна, чем была сто лет назад в Венеции. Если мы чего-то не знаем, милосердие заставляет нас думать о человеке лучшее, а остальное пусть знает только Сам Великий Знаток Сердце человеческих; ибо заблуждения, подозрения и зависть часто приносят огромный вред достойному человеку, а в милосердном и снисходительном неведении греха нет.

И что превыше всего, истинный масон должен со скромностью и почтением преклонять колени пред Великим Архитектором Вселенной, ни в коем случае не позволять себе усомниться в Его неисчерпаемой Мудрости, не пытаться применить свое собственное убогое понимание того, что правильно, а что – нет, к Его Провидению и Его делам, не торопиться изучать таинства бесконечной Божественной Сущности и Его непроницаемые для смертных планы на будущее, а равно и великую непостижимую Природу, которую ему также не дано никогда понять и объяснить полностью.

Да бежит он прочь от всех этих пустопорожних философствований, тщющихся объяснить все и вся и отказывающихся раз и навсегда признать существование Бога, единого и отдельного от Вселенной, которая есть всего лишь творение Его; признающих только Природу своим богом и только ей поклоняющихся; отрицающих Божественный Дух и ограничивающих человеческое познание только данными, полученными посредством наших пяти телесных чувств; они путем логических построений и бессмысленной словесной софистики пытаются заставить такого явного, живого, любящего и наставляющего Бога уйти в тень нереальности и абстракции, превратиться в очередную логическую формулу.

Да бежит он также и от всех тех теоретиков, кто не удовлетворен медленным, по их мнению, развитием событий на Земле в соответствии с Божественным Провидением, кто стремится «ускорить» их, кто пренебрегает практикой и стремится к неосуществимому, кто полагает себя мудрее Небес. Необходимо просто пристальнее всматриваться в природу вещей, и тогда в ней непременно станут очевидными некие окольные пути, позволяющие добиться желаемого скорее и при том именно таким образом, какой в наибольшей степени соответствует Его предначертаниям и не внесет дисгармонии в величественное мироустройство, основополагающими принципами и законами которого являются равное распределение собственности, отсутствие власти одного человека над волей другого, отсутствие насильственного труда, отсутствие голода, нищеты и прозябания.

Да не проведет он свою жизнь так, как проводят свои жизни они – в строительстве новой Вавилонской башни, в попытках изменить то, что навеки сотворено неизменным Божественным Провидением; но да удовлетворится он, отдавшись на милость Бесконечного Провидения Господня, верой в то, что весь ход исторических событий управляется Беспредельной Мудростью и ведет – пусть мы и не в состоянии этого увидеть и понять, к великой и благой цели; да удовлетворится он следованием путем, указанным Провидением, и трудом на благо всего человечества теми средствами, какие указал для этого Господь; и наконец, да не строит он никогда Вавилонскую башню в слепой вере, что стоит ему подняться до Небес – и Бог исчезнет или будет подавлен огромной массой материальных сил или блистательных логических формулировок; да стоит он всегда твердо на земле в почтении пред Богом и с надеждой и священным ужасом взирает на Небеса в нерушимой вере, что существует реальный Бог – личность, а не формула, Отец и Защитник – любящий, сочувствующий и помогающий; что вечные пути, назначенные Им для развития всего мира, неизмеримо мудры, как бы непостижимы они ни были для ограниченного и слабого человеческого разума.